

**ЛЕОНИД ПАВЛОВИЧ ПОТАПОВ:
СУДЬБА И ВРЕМЯ**

Опубликовано: Радловские чтения 2006: Тезисы докладов. / Отв.ред. Ю.К.Чистов, Е.А. Михайлова. – СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С.161-166.

Очень непросто выступать на Ученом Совете, посвященном 100-летию такого крупного ученого и такой значительной личности, каким был Леонид Павлович Потапов. Но я была хорошо знакома с Леонидом Павловичем и являюсь уже одной из немногих оставшихся в живых его коллег, которые достаточно часто общались с ним на протяжении последних 25 лет его жизни. Я не могу назвать себя ученицей Леонида Павловича, но я очень многим обязана ему тем интересом, который он пробудил во мне к этнографической науке, особенно к полевой этнографии. До самых последних лет Леонид Павлович всегда поражал меня своей энергией и какой-то неумной жадой жизни. При встречах, когда он уже постоянно жил в Комарово, сразу же после нескольких общих приветственных фраз и кратких вопросов о секторе и институте, Леонид Павлович переходил к изложению какой-либо своей идеи. Часто беседа начиналась с моих вопросов, которые я намеривалась обсудить с ним, т.к. его мнение всегда было очень важным для меня. Иногда мы не сходились во взглядах и начинали спорить, хотя это бывало крайне редко. Но я вспоминаю об этом потому, что никогда не боялась спорить с Леонидом Павловичем, и не боялась в силу того, что он любил спор, любил дискуссию, обсуждение, любил, когда против его доказательств выдвигались контрдоводы. И хотя Леонид Павлович был не прочь поговорить сам, у него всегда была потребность в том, чтобы собеседник следил за его мыслью, был бы соучастником его рассуждений, задавал вопросы, особенно в те моменты, когда он умышленно упустил какие-либо доказательства в выдвинутом им положении или идеи. Однажды Леонид Павлович сказал: «Не люблю говорить в пустоту». Вопросы его очень радовали, он еще более загорался, речь становилась еще более эмоциональной, точнее задористой. В такие минуты особенно чувствовалось, что он живет этнографией, что только она и доставляет ему радость, счастье, смысл жизни. Леонид Павлович обладал высокой культурой научной дискуссии, именно поэтому беседы с ним были всегда необычайно интересными.

Особую тему составляли его рассказы об Алтае и Туве, больше даже об Алтае, в которых всегда удивительно яркие и живые зарисовки бытовых сюжетов из жизни алтайцев, многие из которых Леонид Павлович черпал из памяти детства, тут же сопровождалось научным анализом ключевых элементов, на которые нанизывались факты из других культур, так что прямо на глазах выстраивалось необычайно емкое явление культуры.

Часто в этих импровизациях Леонид Павлович отвлекался на воспоминания детства, юности, зрелых лет, не относящиеся собственно к этнографии, а касающиеся его взаимоотношений с разными людьми, коллегами, друзьями, в которых отражалась не только его судьба, но и история всей страны. Революция, коллективизация, эвакуация во время войны, но главное, - становление этнографической школы, разворачивание деятельности Института, создание национальных научных центров, организация и руководство экспедициями, работа с учениками. У меня часто возникала мысль, как бы было хорошо записать эти рассказы Леонида Павловича, но диктофона не было, и я так и не собралась. Поэтому мне бы хотелось выразить признательность Валерию Александровичу Тишкову за то, что он осуществил это, и не только записал, но и опубликовал в Этнографическом Обзоре интервью с Леонидом Павловичем, отражающим основные этапы его жизни.

Перечитывая перед этим выступлением интервью Леонида Павловича я снова и снова поражалась масштабу его личности. Но в то же время меня не оставляла мысль о том, какой же мощной была эпоха, в которой прошла основная часть его жизни.

В наши дни принято видеть в основном недостатки советской эпохи, а об ее достижениях упоминать вскользь. Но сегодня хочется в большей степени остановиться на успехах советского периода нашей истории, которые хорошо подтверждаются судьбой и всей научной деятельностью Леонида Павловича Потапова.

Как вы знаете, Потапов родился 6 июля 1905 г. в Барнауле в семье чиновника канцелярии Главного управления Алтайского округа кабинета Его Величества. До революции успел окончить 4 класса гимназии, а затем заканчивал уже советскую среднюю школу. Первый раз он попал на Алтай почти случайно, когда ему было лет шесть. Отец взял его с собой, поехав лечиться на родоновые источники в местный алтайский курорт Белокуриха. Сам Леонид Павлович пишет, что ему очень понравился Алтай, и он решил стать ботаником и даже тайно от родителей поступил на курсы по изучению лекарственных растений. Начались поездки в различные районы Алтая, в одной из которых в 1921 г. он знакомится с учителем пения одной из барнаульских школ Андреем Викторовичем Анохиным, а по совместительству выдающимся исследователем, великолепным знатоком культуры народов Алтая и особенно народных верований. В 1924 вышла в свет до сих пор не утратившая своего научного значения его работа «Материалы по шаманству алтайцев». В 1922 году Анохин зачисляет Леонид Павлович практикантом в экспедицию Российской Академии наук, которая работает под его руководством. А в 1923 г. на Алтай из Петрограда приезжает этнографическая экспедиция в составе Н.П. Дыренковой, Л.Э.Каруновской, Л.Б.Панек, А.Е.Ефимовой. Все студенты этнографического факультета географического Института, ученики Штернберга и Богораз. Анохин отправляет с ними в качестве проводника и в какой-то степени даже переводчика Леонида Павловича, т.к. Потапов к этому времени уже знал алтайский язык.

Что всегда поражало меня в этом периоде жизни Леонида Павловича? Идет гражданская война, в 1923 г. она еще продолжается в Сибири. Страна в разрухе, в принципе, даже советская власть еще не достаточно устойчива. А этнографические экспедиции совершаются и не только из Барнаула на Алтай, город расположен близко от района исследований, но группа студентов приезжает на Алтай из Петрограда, за тысячи километров. Уже в 1925 г. по поручению Русского Географического общества Леонид Павлович, окончивший всего лишь первый курс этнографического факультета Географического факультета, отправляется для сбора материала на Алтай. На следующий год Владимир Германович Богораз снова командирует Потапова, уже студента ЛГУ, куда был включен Географический институт на правах факультета, на Алтай в составе этнографической экскурсии, которые в те годы организовывались в различные регионы. В следующем 1927 г. Лев Яковлевич Штернберг включает Леонида Павловича научным сотрудником в Алтайскую экспедицию Комиссии по изучению племенного состава населения СССР. А зимой этого же года он отправляется в Шорию, где проводит весь период промыслового сезона. То есть, несмотря на разруху, у государства находятся деньги для постоянных полевых этнографических исследований. Не удивительно ли это? В общем, нет.

Этнография наука политическая. Новой советской власти требовались знания о той стране, которой она собиралась управлять, да еще управлять по-новому, провести, в частности, народы Сибири, как тогда говорилось, от феодализма к социализму. Это время по-своему сродни XVIII в., когда была развернута широкая сеть комплексных экспедиций для изучения новых российских земель. И тогда, и в 20-30-х годах на эти цели государство не жалело денег. В 1924 г. создается при ВЦИК Комитет по изучению народов Севера, располагающий значительными средствами и финансирующий многие экспедиции в Сибирь. Экспедиции посылает Русское Географическое общество. Создается Институт народов Севера, который также ведет большие полевые исследования. Но, главное, в том, что для реализации этих целей власть смогла мобилизовать ученых и собрать талантливую молодежь.

Научным центром являлся Ленинград. На географическом факультете преподают Штернберг, Богораз, Зеленин, Руденко, Митусова, Винников, Самойлович, Малов. Именно в

эти годы только в сибиреведение приходят Наталия Петровна Дыренкова, Глафира Макарьевна Василевич, Сергей Васильевич Иванов, Андрей Александрович Попов, Прокофьевы, Вербов и многие, многие другие, и, конечно, Леонид Павлович Потапов, т.е. блистательная плеяда ученых, которой мы, во многом, обязаны созданием ленинградской школы этнографии.

Отличительными чертами научной деятельности этой молодежи были неистовая увлеченность этнографией, удивительная преданность своему делу и, конечно, потрясающая работоспособность.

В 1933 г. Леониду Павловичу 28 лет. В этом году в Новосибирске выходит в свет его первая фундаментальная работа «Очерки по истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации», объемом почти 13 печатных листов. Эту монографию весьма еще молодого автора характеризует не только логичная построенность всей работы, скрупулезный анализ предмета исследования, но и необычайно широкий круг источников. Привлечена не только вся известная в то время литература, но и значительный корпус архивных источников, а также большие собственные полевые материалы. А до этого написано уже более 10 статей, каждая из которых от 15 до 30 страниц, сделано множество докладов, проведено около двух десятков экспедиций. За плечами Университет, работа в течение двух лет заведующим Отделом научных учреждений при Наркомпросе в Узбекистане, в Самарканде, куда его направляют после окончания Университета, и аспирантура Академии наук. В 1936 году в серии трудов Института Востоковедения выходит вторая большая монография Леонида Павловича «Очерки по истории Шории». В эти же годы он принимает участие в работе по подготовке первого тома академического издания «Истории СССР», для которого пишет в соавторстве с С.В.Киселевым разделы «Кыргызы» и «Уйгурское ханство». «История СССР» вышла в 1939 г.

Основной научный интерес Леонида Павловича в 30-е годы прикован к социально-экономическим отношениям у народов Алтая. В работах этого периода, а их свыше 20, на основе комплексного анализа хозяйства, форм собственности, семьи и системы взаимоотношений внутри общества Леонид Павлович полностью опровергает существовавшую тогда теорию родового строя у коренных народов этого региона и одним из первых поднимает проблему феодальных отношений у кочевников Южной Сибири, которая несколько позднее, уже в 50-х годов, вылилась в широкую дискуссию о кочевом феодализме, в ходе которой особенно острая полемика разгорелась вокруг выдвинутого Леонидом Павловичем тезиса о том, что основной формой собственности у кочевников была собственность на землю. Этот тезис в дальнейшем был принят большинством специалистов.

Работам Леонида Павловича 30-х годов, конечно, свойственна определенная перенасыщенность анализа социально-экономических отношений у народов Алтая классовым подходом, но это определялось не только тем, что марксизм был официальной идеологией государства, но и тем, что очень многие ученые в то время были искренне увлечены этой теорией. Здесь важно подчеркнуть, что среди сибиреведов Леонид Павлович был практически единственным, кто в эти годы взялся за изучение социально-экономических отношений. В то время это была очень сложная тема, непосредственно связанная с политикой, что грозило исследователю весьма серьезными последствиями, и большинство этнографов старалось уйти от нее, занимаясь изучением материальной культуры, верований, народного искусства, фольклора. Поэтому я считаю, что Леонид Павлович проявил большое мужество, избрав в 30-е годы основным направлением своей научной деятельности исследование именно социально-экономических отношений. Кстати именно эта сфера традиционной культуры народов Южной Сибири была наименее изученной предшествующим поколением этнографов.

В эти годы определяется весь круг направлений научных исследований Леонида Павловича – социально-экономические отношения и социальная организация, этническая история и этногенез и традиционные верования народов Южной Сибири. Вся его

дальнейшая научная деятельность развивалась в русле этих трех направлений, охватывая практически весь комплекс истории культуры региона в широком значении этого термина.

И последнее, что хочется отметить в работах Леонида Павловича 20-30-х, это необычайно эмоциональный стиль изложения, в котором проявились вся сила и страстность его натуры. В дальнейшем, уже став мэтром, Леонид Павлович не позволял себе так непосредственно выражать эмоции. Его стиль стал сдержанным, весомым и в нем исчез тот юношеский полемический задор, в котором как в зеркале отражалась не только личность автора, но и сама эпоха.

В 1939 году Леонид Павлович защищает в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию, а через семь лет, в 1946 году – в Москве докторскую диссертацию по монографии «Очерки по истории алтайцев», удостоенной в 1951 году Сталинской премии. А ведь на этот промежуток времени приходится Великая Отечественная война: работа в блокадном Ленинграде в Государственном музее этнографии, эвакуация с музеем в Новосибирск, создание Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы, преподавание в Горно-Алтайском педагогическом институте и докторантура в Институте этнографии в Москве с 1943 по 1946 годы. «Очерки по истории алтайцев» охватывают практически всю историю населения этого региона, начиная с конца неолита и до Февральской революции. Это, фактически, историческая энциклопедия Алтая, поражающая масштабностью авторского видения и понимания историко-культурных процессов, проходивших в данном регионе на протяжении трех тысячелетий.

В 1948 году Леонид Павлович становится во главе Ленинградской части Института этнографии, а также заведующим Отделом этнографии Сибири. На этом посту он проработал 20 лет. Это были очень плодотворные годы не только в научной деятельности Леонида Павловича, но и нашего института в целом. Леонид Павлович публикует ряд монографий: «Краткий очерк культуры и быта алтайцев». «Краткие очерки истории, и этнографии хакасов (XVII-XIX вв.)», «Происхождение и формирование хакаской народности», «Этнический состав и происхождение алтайцев», «Очерки народного быта тувинцев», является одним из авторов и редактором пятитомника «История Сибири» и очередного издания «Истории СССР», а также публикует около 150 статей. И это не считая организации, руководства в течение 11 лет и издания трудов сначала комплексной Саяно-Алтайской, а затем Тувинской экспедиций. В период директорства Леонида Павловича возобновляется издание сборников МАЭ и, самое главное, создаются новые экспозиции всех отделов музея, которые были выполнены для того времени на хорошем научном и художественном уровне.

В Отделе этнографии Сибири, руководимым Леонидом Павловичем, были выпущены в свет том «Народы Сибири» в серии «Народы мира», «Атлас по культуре народов Сибири», монографии по ненцам, кетам, эвенкам, корякам, сборники по духовной и материальной культуре народов Сибири и несколько объемных монографий по искусству народов Сибири С.В.Иванова. Трудно даже перечислить те исследования, которые провели сотрудники отдела в этот период, не говоря уже о работе Института в целом. Это время характеризуется и яркой творческой активностью и высоким профессиональным уровнем коллектива, создавшего целую эпоху в истории отечественной этнографии.